

Гергокова Лейла Созакбайовна

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ БЫЛИЧКАХ И БЫВАЛЬЩИНАХ

Статья посвящена мифологическим персонажам, встречающимся в сказочной прозе карачаево-балкарского устного народного творчества: в быличках и бывальщинах. В качестве примеров использованы фольклорные тексты из архива КБИГИ по исследуемой теме, услышанные в живой традиции, для описания различных мифических существ. Целью работы является анализ особенностей системы образов действующих персонажей в карачаево-балкарских быличках и бывальщинах. Эти устные рассказы выработаны поколениями и сохранены до сих пор в народной памяти. В таких повествованиях отражены древнейшие истоки народного мировоззрения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 2. С. 24-26. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.2

Статья посвящена мифологическим персонажам, встречающимся в несказочной прозе карачаево-балкарского устного народного творчества: в быличках и бывальщинах. В качестве примеров использованы фольклорные тексты из архива КБИГИ по исследуемой теме, услышанные в живой традиции, для описания различных мифических существ. Целью работы является анализ особенностей системы образов действующих персонажей в карачаево-балкарских быличках и бывальщинах. Эти устные рассказы выработаны поколениями и сохранены до сих пор в народной памяти. В таких повествованиях отражены древнейшие истоки народного мировоззрения.

Ключевые слова и фразы: несказочная проза; былички; бывальщины; мифические персонажи; нечистая сила; лесной человек; ведьма; черт; сверхъестественные существа; взаимооборотничество.

Гергокова Лейла Созакбайовна, к. филол. н.

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик
leylagergokova79@mail.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ БЫЛИЧКАХ И БЫВАЛЬЩИНАХ

До сих пор в карачаево-балкарской фольклористике нет единого мнения о жанровом составе несказочной прозы, значение которой немаловажно для бесписьменного в прошлом народа. Такое устное наследие являлось доступным способом передачи накопленного жизненного опыта подрастающему поколению.

Несказочная проза, бесспорно, имеет некоторое сходство со сказками, но их важнейшее отличие в том, что в сказке рассказчик излагает выдуманную историю, а в несказочной прозе достоверность является главным атрибутом. Здесь слушателю внушают реалистичность случившегося в изложенном рассказе. Правы ученые, которые классифицируют ее на такие жанры: мифы, легенды, сказания, предания, былички, бывальщины, притчи, сказы, устные рассказы (новеллы), юмористические, сатирические рассказы (Т. М. Хаджиева [10], Ф. Х. Гулиева (Занукоева) [6]).

Одним из основных жанров несказочной прозы являются былички и бывальщины. В карачаево-балкарской фольклористике воспоминания человека, интересные слушателям, в которые рассказчик внес свои личные изменения, и становятся бывальщиной. Термин «быличка» – народное слово, определяемое как невымышленный рассказ. Так же как и бывальщина, быличка изображает повторяющиеся события, которые могут случиться и со сказителем, и слушателями.

Каждый новый сказитель устных повествований излагает события по-своему, сохраняя основные сюжетные моменты. Такие рассказы отражают различные стороны мировоззрения этноса. Былички и бывальщины довольно известны на территории местности, на которой они бытуют, определяются спецификой менталитета народа, которому принадлежат данные традиции.

Существует очень много материалов и исследований по разным жанрам фольклора, но данная работа посвящена проблеме изучения вопроса, касающегося мифологических персонажей, представленных в устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев: быличках и бывальщинах.

Как известно, в карачаево-балкарской фольклористике былички – жанр, повествующий о встрече человека с «нечистой силой». Эти рассказы о мифических существах: алмосту (длинноволосое демоническое существо – женщины), обур (ведьма, колдунья, обращающаяся в облик кошки или волчицы), агъач киши (леший, лесной человек), шайтан (черт) и т.д. Справедлива в суждениях Э. В. Померанцева: «Мифические существа упоминаются в различных жанрах русского фольклора: в пословицах и заговорах, в песнях и былинах, в сказках и преданиях, в легендах и анекдотах. Особенно многообразно, выпукло и ярко они представлены в устной несказочной прозе» [8, с. 4]. В быличках всегда действуют определенные демонические герои. Они являются отражением в сознании народа языческих верований.

Эти повествования родились как раз в те времена, когда разумом человека овладевал страх перед неизвестным. «Изучение поверий и сложившихся на их основе рассказов имеет исключительно важное значение для раскрытия эволюции древних воззрений, оно может дать ключ к пониманию как идеологии далекой древности, так и развивающихся позже идей, которые нашли отражение в фольклоре» [9, с. 267].

В правдивость излагаемых событий в быличках с мифическими существами трудно поверить, этот сюжет «заведомо неправдоподобен, но в соответствующей подаче может восприниматься как реальность» [3, с. 93]. Рассказчик сам свидетельствует о действительности произошедшего или же ссылается на какого-нибудь свидетеля.

«Главные герои подобных рассказов обладают сверхъестественными возможностями (умеют читать мысли даже на расстоянии, врачевать, насылать порчу, снимать сглаз и т.д.) и также делятся на белых и черных, то есть добрых и злых» [5, с. 210]. В карачаево-балкарском фольклоре часто наличествуют рассказы с такими персонажами. Для примера рассмотрим фольклорные тексты, выписанные из архива КБИГИ.

Со слов 85-летней Ахматовой Гыжаян Азнауровны в 1973 году С. О. Шахмурзаевым был записан рассказ «Обурла» («Ведьмы») [2]. Повествование о том, как эта женщина в детстве ходила с отцом на выгон скота в Баксанском ущелье над местечком под названием Кызылкёз. Однажды, при упоминании ее отцом ведьм, на их скот напали два волка. Одну козу поранили, вторую утащили и съели. После из Кызылкёза пришли старик и старуха и так сказали отцу Гыжаян:

«– Азнаур, съевшие твоих коз – ведьмы. Посреди дня волк не нападает на такое многочисленное стадо. Я расскажу то, что вчера видел своими глазами. Две старухи, придя, там у реки разделись. Пока я смотрел в удивлении, пять раз окунувшись в воду и пять раз обвалившись в песке, (они) превратились в волчиц.

Уходя, видел, как они растерзали твоих, вероятно, коз» [Там же].

Как принято в рассказах этого жанра, действие начинается с подтверждения реальности событий и верной географической местности. В данном случае события происходили в Баксанском ущелье над местечком под названием Кызылкёз.

Мотивы взаимопревращения человека и волка (женщины-колдуньи превратились в волчиц) уходят корнями в мифологию. В мифических преданиях, легендах и сказках, народных обычаях карачаевцев и балкарцев волк представляется как тотемический предок, что дает возможность тождества человека и животного.

Вера в оборотней у всех народов была распространена: бытует множество народных повествований также о превращениях в кошек. Один из таких рассказов – «Кечелик» («Ночью») [1], записанный от Тюбеевой Зафуры Боттаевны 19 июля 1974 году. Здесь повествуется о том, что существуют ведьмы, которые принимают облик кошки и спускаются через трубу или через дверь, чтобы высосать из ребёнка кровь через пупок. В результате младенец погибает.

Сказитель, сам свидетельствуя о реальности событий, говорит: «Моя бабушка сама поймала ведьму. Одного из двух её сыновей она убила таким образом. Когда она и второго так же убивала, поймала и сунула мордой в огонь. Когда она сделала так, кошка вывернулась и убежала. На второй день соседка слегла. Когда пошла проведать, у неё было забинтовано лицо. Ведьмой была она. Её лицо было обгоревшим» [Там же].

Колдуньи (ведьмы), по представлениям карачаевцев и балкарцев, – это обычные люди, которые живут в обществе и ведут простой образ жизни, но обладают сверхъестественными возможностями перевоплощения.

Наряду со сказами о ведьмах бытуют повествования о лесном человеке. Один из таких рассказов – «Агъач киши» («Лесной человек») [7, с. 217] – о том, как лесной человек показался одному выходцу из Абеевых, из их двенадцатого колена. Его звали Чегембай. Лесной человек, разозлившись на него, проклял его: *Онеки атагъа дери бирден сора улан болмасын бир юйюрюгюзде* [Там же]. / *Чтобы у вас в семье до двенадцатого колена больше одного сына не было (здесь и далее перевод автора статьи – Л. Г.)*. С той поры у Абеевых от отца к отцу кроме одного сына не было сыновей.

В вышеизложенном тексте рассказчик дает точную, но очень сжатую информацию о главных героях, за краткой экспозицией идет стремительное развитие действия, то есть следует усиление конфликта.

Завершается рассказ простым обобщением: *Андан сора Абеиланы атадан атагъа бирер жашдан сора жашлары болмагъанды* [Там же]. / *С той поры у Абеевых от отца к отцу кроме одного сына не было сыновей*. Ведь издавна многие верили, что проклятия или пожелания подобных мифических существ исполнялись. По таким верованиям и созданы подобные рассказы.

Например, демонические сюжеты с участием добрых и злых жиннов (джинов), шайтанов (черта). Эти мотивы связаны с принятием ислама, хотя в рассказах наблюдается смешение мусульманских и языческих представлений. К ним можно отнести рассказ «Маммаш тюрк» («Волос Маммаш») [Там же, с. 207], повествующий о том, как Маммашевы стали очень имущим и быстро богатеющим родом. В народе об этом бытуют истории, как дедушку Маммашевых шайтан (черт) благословил: *Бёрюден баламы кьалдыргъанынг ючюн, сен да, сени туудукларынг да, киши кьолуна кьарамай, байлыкьда жашагъыз* [Там же]. / *За то, что ты спас моего ребёнка от волка, и ты, и твои потомки, не смотря на чужие руки, чтобы жили в богатстве*. После чего они разбогатели.

В конце сказа указывается на то, что богатство Маммашевых почему-то не пошло им на пользу, что дает возможность на продолжение событий.

В устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев существует много повторяющихся подобных мотивов со сходными сюжетно-фабульными основами, со свойственными им тематическими деталями, с неизменными стилистическими приемами.

Важную роль при записи быличек и бывальщин играла не только их тематика, но и обстоятельства рассказывания, а также стиль изложения повествователя, при котором сказитель добавлял к реальным фактам нечто свое, образное, выдуманное. После нескольких повторений фантастический образ закреплялся, становился для импровизатора как бы реально случившимся фактом.

Язык быличек и бывальщин отмечен всеми особенностями местной лексики, с присущими ему грамматическими оборотами, специфическими особенностями стилистики, использованием выразительных и изобразительных средств, отличающих их от других произведений фольклорных жанров, что дало текстам особый стилистический колорит и усиление общего впечатления.

Одним из распространенных изобразительно-выразительных средств языка несказочной прозы является диалогическая форма речи. «Как и в волшебных сказках, она играет важную роль в развитии сюжета, несет огромную смысловую и эмоциональную нагрузку и характеризуется большой выразительностью. Как правило, диалог строго дифференцирован и всецело подчиняется идейно-эстетическому замыслу произведения. Герой говорит со своими помощниками всегда просто, непринужденно, а с противниками – резко и решительно» [11, с. 12]. Диалогическая форма речи в быличках и бывальщинах служит «повествовательным поводом к новым действиям» [4, с. 117].

Таким образом, былички и бывальщины интересны тем, что произведениями этого жанра карачаевцы и балкарцы объясняли те явления и события, истинная причина которых была загадкой. В них встречаются мифические, сверхъестественные существа, неизвестные людям, и это внушает им страх перед неизведанным. В карачаево-балкарских быличках и бывальщинах рассказчик вводит своих слушателей во власть суверенных

представлений, и конфликт человека с нечистой силой вызывает у них невероятные чувства. О правдивости таких рассказов свидетельствует сам рассказчик или свидетель, убеждая этим слушателя в реальности событий. По существу, сюжеты этих рассказов не столь уж многочисленны, в основном мотивы повторяются.

Список источников

1. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ).** Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Папка 1. Паспорт 50.
2. **Архив КБИГИ.** Карачаево-балкарский фольклорный фонд. Папка 2. Паспорт 40.
3. **Болатова (Атабиева) А. Д.** Реализм и художественная условность в балкарской эпической прозе // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук. 2016. № 4 (31). С. 90-95.
4. **Гергокова (Этезова) Л. С.** Язык карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты». Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 140 с.
5. **Гулиева (Занукоева) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза // Язык, литература, фольклор. Книга в честь Юнуса Дешериева: сборник трудов конференции (г. Грозный, 28-30 апреля 2014 г.) / сост., ред. А. И. Халидов. Грозный: Издательство Чеченского государственного университета, 2014. С. 203-212.
6. **Гулиева (Занукоева) Ф. Х.** Карачаево-балкарская несказочная проза и ее традиции в балкарской литературе. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2015. 151 с.
7. **Къарачай-малкъар фольклор:** хрестоматия. Нальчик: Эль-фа, 1996. 529 с.
8. **Померанцева Э. В.** Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 102 с.
9. **Традиционный фольклор народов Дагестана** / ред. Г. Г. Гамзатов. М.: Наука, 1991. 496 с.
10. **Хаджиева Т. М.** Малкъарлыла бла къарачайлыла халкъ поэзия чыгъармачылыклары // Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия. Нальчик: Эль-фа, 1996. С. 6-37.
11. **Хут Ш. Х.** Несказочная проза адыгов: автореф. дисс. ... д. филол. н. Тбилиси, 1989. 42 с.

MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN THE KARACHAY-BALKAR BYLICHKAS AND BYVAL'SHCHINAS

Gergokova Leila Sozakbaiovna, Ph. D. in Philology

*Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Nalchik
leylagergokova79@mail.ru*

The article is devoted to the mythological characters that can be found in the non-fairy tale prose of the Karachay-Balkar folklore: in bylichkas and byval'shchinas. As examples folklore texts from the archives of Institute for the Humanities Research (Branch) of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences on the topic under study, heard in the living tradition, are used to describe various mythical creatures. The aim of the work is to analyze the peculiarities of the system of images of characters in the Karachay-Balkar bylichkas and byval'shchinas. These oral stories have been worked out by generations and are still preserved in the people's memory. Such narrations represent the ancient sources of the people's worldview.

Key words and phrases: non-fairy tale prose; bylichkas (stories about meeting with devildom); byval'shchinas (true stories); mythical characters; evil spirit; forest man; witch; chort; supernatural beings; mutual shapeshifting.

УДК 82-4

В центре анализа – один из значительных памятников галантной французской литературы и материальной культуры, созданный в салоне («голубой гостиной») маркизы де Рамбуйе, – «Гирлянда Юлии», а также мужской и женский стили поведения, культивируемые в аристократическом обществе. Салонный антропологический идеал, воплотившийся в бытовом поведении представителей аристократической страты и целом ряде литературных текстов, базировался на пропаганде женского целомудрия и редукции традиционных маскулинных ценностей. Сложная конфигурация дворянских любовных ритуалов, популяризированная в XVII и XVIII вв., стала одним из атрибутов культуры «высшего света» и, согласно теории Ш. де Монтескье, следствием политического строя, сложившегося во Франции.

Ключевые слова и фразы: французская аристократическая культура; галантность; Ю. д' Анженн; Ш. де Монтескье; О. д' Юрфе; М. де Скюдери.

Голубков Андрей Васильевич, к. филол. н.

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, г. Москва
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru*

**«ГИРЛЯНДА ЮЛИИ» И ГАЛАНТНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ САЛОННОЙ КУЛЬТУРЕ XVII-XVIII ВВ.**

Утром 22 мая 1641 г. Юлия (Жюли) д' Анженн – дочь г-жи де Рамбуйе, хозяйки самого известного парижского Салона середины XVII в., – обнаружила у изголовья своей кровати подарок: в парфюмированной